

Юрий Кублановский

ИЗБРАННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ 1967-71 г.г.

Из книги "ДАНИС И ХЛОЯ"

/1969 г./

х х х

Затем чтоб Богу не мешать
земля от неба отделилась.
Теперь ему легко дышать,
все улеглось, утомонилось.

И нежным утром ровно в пять
сквозь воздух цвета незабудки
на нас нисходит благодать,
и раздаются звуки дудки.

Чуть напрягая мышцы ног, ~~взяв вожжи~~
взяв вожжи тонкие в десницу,
в рассветном небе едет Бог, —
влекут голубки колесницу.

Пора на птиц силки бросать,
но мы от нежности ослабли.
Уже не в силах расчесать
лугов запутавшихся грабли...

И так глядим во все глаза —
и я, ладонью прикрываясь,
и ты, и овны, и коза,
для Бога в целое сливаясь.

х х х

А если лира — панцирь черепахи,
и сделан из него прекрасный инструмент,
пусть подпевают нам заоблачные птицы,
и нимфы пляшут пусть среди кудрей и лент.

А жук со стрекозой всегда летали парой,
но ныне и они влились в беспечный круг.

И я пошел плясать, бренчать своей кифарой,
и больно целовать смеющихся подруг.

Из зарослей лесных амур пускает стрелки,
мельканье дивных рук, и спин, и ягодниц...
О девочка, лишь ты, лишь ты с глазами белки!
Нет больше на земле ни братьев, ни сестриц.

х х х

Было жарко. И наши стада
разбрелись, разошлись кто куда.
Но сосновый тяжелый венок
нам от зноя укрыться помог.

Ты казалась мне нимфой лесной
этой зрелой, как лето, весной.
Ты была чудо как хороша,
у меня замирала душа.

Пусть потом я умру, искажусь,
только знай, что уже прихожусь
я ни братом тебе, ни отцом,
а мужчиной с горящим лицом.

Вижу- чувствуешь это сама.
Не своди меня, Хлоя, с ума,
не пытайся шутить и мешать.
Тяжело в этот полдень дышать.

х х х

Небо сжалось в облака.
Облака сгустились в тучи.
Ливень!- вот моя рука,-
прыгнем вместе с этой кручи.

Окропим земную сень,
луг с пятнистою коровой,
серебристая сирень
стала мрачной и лиловой.

Потемневшая земля
прячет всех и себе в конурки,
и бегут через поля
полевых мышей фигурки.

Наша кровь несется вскачь,
все тела разволновала,
часто слышен женский плач:
Я тебе не изменяла!

Долго ль нам осталось жить?
Много ль выпьем мутной бражки?
Кто сумеет расщепить
стебелек лесной ромашки?

Почернели облака.
Ивы сделались плакучи.
Ливень!

вот моя рука,
прыгнем вместе с этой кручи.

х х х

О милый мальчик, друг, тритон,
все рыбы из морских окон
с надеждой вслед тебе глядят
губастым ртом трубят.

Изящных раковин витки,
и звезд подводные цветки,
и даже прошлая печаль
зовут тебя — причаль.

Но в синей бухте ждет дельфин,
волшебный воздуха графин
стоит среди отвесных скал,
мигая как кристалл.

Стирайте, женщины, флажки,
из трав пеките пирожки,
он уезжает на века.
Бледнеют облака.

Пришпорен пятками дельфин,
последний раз блеснул графин,
и вот кругом крошечный мрак
и Зодиак.

х х х

Распахни свой львиный зев,
ты вершитель судеб, Зевс!
Нас, несчастных и нагих,
ты направь для дел благих.

Мир вчера ушел ко сну.
Веря этому мгновенью
я прикрыл свою жену
золотой опавшей сенью.

Но не слышен трубный глас,
не сложились в небе буквы,
лишь с земли глядят на нас
молодые глазки клоквы.

Что нам делать? Как нам быть?
Тишине уже не внемлю.
Или нам руками рыть
эту илистую землю?

Или спать мертвецким сном
посреди лесной полянки?
Иль цедить ленивым ртом
молочко змеиной ранки?

Мы не можем долго жить, —
знай об этом, Бог могучий,

торопись, — готов служить
я звезде твоей колючей.

х х х

Я в ярости гнался за глупым козлом,
и вместе в глубокую яму свалились,
в которой доныне сидим с ним вдвоем
и смотрим на небо, душой породнились.

Мы времени счет потеряли давно,
и нам животы подвело с голодухи,
забыли, как пахнут еда и вино,
дрожат в паутинах засохшие мухи.

Покрапает дождик, но контуры туч
от нас безнадежно сокрыты стенами.
То пыльного света опустится луч,
но нету ни солнца, ни Бога над нами.

Лишь изредка в нашу могильную сень,
в которой боимся пошевелиться,
заглянет лисица или олень,
и в изумлении отшатнутся.

О где же ты, Хлоя, приди, помоги,
по шатким камням, траве и суглинку,
и в пропасть, где братьями стали враги,
брось ленточку, веточку или машинку.

х х х

Держу в руках я свежий белый сыр.
Из сыворотки сделан он молочной,
приятно руки грел ее замес,
пока из мутной жидкости, плескаясь,
не появился первозданный сыр.

Горят масла в разбитом починке,
глядят в окно рассветные деревья,
таинственная всколу полутьма
тревожит успокоенную душу
и низкий пламень в плешке шестидесяти.

Лезет агонией меленький в углу,
среди овчин, и голову на ножку
безвольную упрямо положи.
...Я рано встал, поел сырого сыра,
на миг забыл о предстоящем дне.

х х х

Мчат быки в распахнутых полях.
Подброшу им убогую мякину —
немного хлеба в тающей воде.
Как их глаза кровавые печальны —
подумаю, тотчас о них забуду.

Я, оставляя черные следы,
снесу миствы и сена пидим дозам.
У некоторых пятнышко на лбу,
все тычутся и блеют — значит ждем —
я, кажется, впервые улыбнусь.

Взгляну на солнце мутного затменье,
на дали обрамляющий лесок,
на снежную холмистую равнину.
Потом возьму ведерко желудей
и свиньям в бездну хлеба опрокину.

х х х

Однажды рано утром я пошел
охотиться на желтую синицу.
Большой сенок болтался за плечом,
кругом кривились черные деревья,
и таял под ногами мокрый снег.

Из гибких веток думал я сплести
простую незатейливую клетку,
чтоб пойманная птица в ней жила,
во тьме ночной негромко стрекотала,
а днем бледила солнышком груди.

Дойдя до места, чуть передохнул,
поляну вытоптал тяжелыми ногами,
от дуба отломал тяжелый сук,
установил силком непоколебимую,
и приготовился свою синицу ждать.

х х х

Скатались крошки жухлых роз,
желтеющих во мгле.

Гроза дошла до первых слез,
дрожащих на стекле.

.. Постой! — останешься одна
дрожать, как нить в плече.

Но наша комната темна,
и ты уже в плаще.

"Не обещай, не возвращай,
не вспоминай об этом дне".

И слово нежное — прощай!
на все лады звучит во мне.

Из книги "СЕМИДЕСЯТОЕ ВРЕМЯ"

/1969-70 г.г./

МАРИ

1.

Мари! припомни — шумный сад
и монастырская ограда...

Я указал тебе на клад,
зарытый в бурой толще сада.

Вот здесь лежит стальной булат
и чаша, чей рисунок тонок, —

я говорил тебе как брат,
а ты смеялась как ребенок.

Глядела на сентябрьских птиц,
что жгут привалы на опушках...
Вот здесь лежит ярмо цариц,
задушенных в глухих подушках.

2.

.....
Мари! Иди сюда скорей,
к чему загадывать ромашку?
Вот здесь зарезан князь Андрей,
а там опричник мял монешку.

Для нас с тобой до зари
кровищу соскребали с пола.
И тянет сыростью, Мари,
из тьмы полуночного дола.

х х х

Осень холодная, осень сырая,
что же ты бедствуешь, слезы глотая?
Что тебе надо из жизни моей —
женщину сердца? сумятицу дней?

Хочешь мучителя руку рябую
я для тебя от души поцелую?

Хочешь, — я первым почувяв беду,
в спальню любовников мертвых войду.

Душно и приторно пахнет нектар.
Пусть шестиногий спешит санитар,

с ним мы в подъезде столкнемся лицом.
И побреду я Садовым кольцом...

Эта осенняя мгла — до угла.
Дальше могильная мгла — до угла.
Дальше небесная мгла — до угла.

Как ты в последнюю верить могла?!

х х х

Сегодня выпал первый снег,
и он ускорил наш побег
из тех садов, где ствол горбат,
и в кучах преет листопад.

Откинь, родная, капюшон,
запас небес опустошен,
как сталь садового ножа,
остра природа и свежа.

Своей жены лишился Лот,
а мы лишились поворот,
и в гулком небе с этих пор
грохочет авиамотор.

Горит бензин в его хрящах,
а здесь в брезентовых плащах
стоят высокие леса,
поют мужские голоса...

ПЕСНЯ

Что же ты, грубая песня, поешь?
Словно за алые жабры берешь,
словно на скользкие доски ~~бросишь~~ бросаешь
иль на железном крюке поднимаешь.

.....

Пусть мы еще не поэты, а дети,—
нас из России не выловят сети,
разве что вместе со всею водой
вычерпнет времени ковш золотой .

Вот уж он властно стучится над нами,
мы отгорожены толстыми льдами,
если ж решиться и глянуть на дно,—
солнышко в мареве тусклом видно.

х х х

Славянизм, звуки и красоты
позабудь, лирический пиит.
Есть иные образы и ноты,
стих как дом Романовых — убит.

Наша правда не в высоком слоге,
не в гармонии наши голоса.
Что ж ты пишешь о ночной дороге,
о заре, туманящей леса?

Что дерешь надтреснутую глотку
и хмельной качаешь головой?
Пей свою серебряную водку,
луковой закусывай травой.

Дергай струны пальцами немymi,
башмаком разодранным стучи,
с прокаженными дружи, поэт, с чумными,
дни свои в беспомыслии влечи.

Мы не так бездомны и убоги,
нам еще до смерти далеко.
Мы еще не думали о Боге —
Как Его владенье велико.

х х х

Уж сумерки спускаются на двор,
на детский леденящий косогор,
где днем катались детские салазки,
свободные от материнской ласки.

Немного было надобно ума,
чтоб вылепить вечерние дома.
Чернеет улица, снег валит вдалеке.
Уже зажегся свет в пивном ларьке.

..Как счастлив тот, кто это понимая,
спешит в вагон холодного трамвая,
и едет в тот или иной конец
семейства лопоухого отец.

А вечность то нахлынет, то опять
уйдет туда, где судеб не видать.
И записи небесных голосов
шлет ангел нам, не зная адресов.

х х х

Вчерашний день провел в гульбе.
Зато на утро жизни бременной
я сразу вспомнил о тебе —
прекрасной и слегка растленной.

Я вспомнил черный шип сучка,
взор изумленный встречной бабки,
и твоего воротничка
слегка завязанные лапки.

Зачем ты красила глаза?
Зачем так много ты курила?
Зачем горячая слеза
твою щеку оледенила?

Твоих движений вспомнил пыл,
твою к животным малым жалость...
Давно все это разлюбил,
а вот сегодня сердце сжалось.

х х х

В БЫЛУЮ ВЬЮГУ...

В какую вьюгу я с тобой гулял!
Болтал, смеялся, дурака валял.
Забыли все, что я сказать могу,
скамейки, утопавшие в снегу.

...Ты из карманов рук не вынимала,
ты до плеча едва мне доставала,
мы шли с тобой то рядом, то гуськом,

и сад в лицо бросал серебряным песком.

Мы ничего не выдали друг другу,
и все же мы в одну гуляли вьюгу,
в одной аллее и единый раз...

И с той поры Господь совсем забыл про нас.

х х х

Грозы отдаленной угроза,
горбатая дача, — и тут
крыжовник, смородина, роза,
малина и маки растут.

А ты говоришь, что устала,
что больше со мной не жилец,
что, видно, пора миновала
для наших с тобою сердец.

Что лето удушливей ада,
и сад за тобой повторял:
"И вправду, чего тебе надо?
И где ты себя потерял?"

Остриженный как уголовник,
не муж, не любовник, не брат,
глядишь на цветущий шиповник,
в котором сгустился закат".

Темнее небес половина...
Как искры в горячем угле,
мы сами однажды, Ирина,
навек растворимся во мгле.

ПАНТЕСЕЛЕЯ

Пантеселея влюблена.
Не зря ее дружина ропщет.
Луга цветочные она
пудовыми ногами топчет.

Когда ж ей надо отдохнуть,
когда она в траву валится,
ее единственная грудь
как зверь в берлоге шевелится.

А кто повинен в сих страстях?
Да так — один солдат и бабник.
Вчера, напишися при гостях,
ее высмеивал, похабник.

А что за свежий ветерок
летит сюда порою ранней?
А это белый голубок...
Спешит из голубятни дальней.

Зачем сюда он держит путь?
Пантеселее зная цену,
он хочет с губ ее смахнуть
воздушно-бешеную пену.

Из книги "НОВЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ"

/1971/

х х х

В твоём ларце лежит алмаз,
но мне ещё видней
твои морщинки возле глаз
на склоне лучших дней.

Накладываешь в блюдце мед,
несешь горячий чай,
твоих бровей живой разлет
сошелся невзначай.

Представь: зимы ничтожный срок,
окна бумажный змей...
Я был невинен как щенок,
простужен, болен, одинок,

и ты была моей.

х х х

Я помню прутья красных верб,
синь неба, но всегда
в тебе я чувствовал ущерб,
и в этом вся беда.

И как не дорог твой браслет,
ни много в жизни карт,
тебе уже не двадцать лет,
и вскоре будет март.

И как я мог тебя жалеть,
как мог тебя ласкать,
когда и сам хотел сгореть,
исчезнуть, согнуться, околеть, —
а не оберегать.

ВЫСОТЫЙ ДОМ

Высотное здание в башенках, шпилях,
но кто разберется в оттенках и стилях,
которыми зодчий пространство прикрыл,
когда вдохновения не было крыл.

Внизу возрождения руст равнодушный,
потом из античности — портик воздушный,
а выше — готической арки прострел,
лишенный духовности — как он посмел?

Там — чуть ли не глиняной хижины лепет,
а тут — не Египта ль пудового трепет,
в котором, что знает любая швея,
царицу за грудь укусила змея.

Вот так же и мы — среди всех прегрешений
сумятицу наших с тобой отношений
украсили вдруг элементом вражды,
всему конструктивному втуне чужды!

х х х

Мы целовались на одной из тех
ничем не примечательных скамеек,
а после быстрым шагом без помех
пересекли арбатский перешеек.

Я помню все: у булочной стоял
автофургон, чьи дверцы без утаек
распахнуты, и грузчик разбирал
большой стеллаж еще горячих саек.

Под аркою блестел асфальт сырой.
Как хорошо, что ты в меня влюбилась!

Мы долго шли по лестнице пустой
на самый верх, манящий темнотой,
мимо окон, в которых ночь светилась.

ЗАКОЛДОВАННЫЙ ДОМ

Я чувствую — твои глаза стальные
глядят в окно — а там зима и снег.
Мне страшно от твоих безличных нег,
мне все мерещатся предметы неживые,
как русла льдом обетованных рек.

То книга мертвая, то лампа без огня.
И в эту комнату без книг и репродукций
не пожелал бы я хозяину вернуться
на самом склоне искристого дня,
в прихожей небольшой от снега отряхнуться.

Ни в комнату войти, ни тихо в кресло сесть,
ни вынуть из стола бумаги лист атласный,
ни написать стишок бессмысленно-прекрасный,
ни шепотом его в восторге перечесть...

На всем лежит твой взгляд стальной и ясный.